

Среди тех, чьи имена гордится сегодняшняя Молдавия, непременно называется имя народного артиста МССР, лауреата Государственной премии СССР Евгения Дога. Кому-то он больше по душе как автор лирических песен, музыки ко многим кинофильмам, кто-то больше ценит его как автора симфонической, камерной или театральной музыки.

Вечером 25 февраля, когда сам Евгений Дога, делегат XXVII съезда партии, будет находиться в Москве, у него на родине в Кишиневском театре оперы и балета состоится концерт под названием «Весна Человечества», куда войдут лучшие кантатно-ораториальные произведения композитора и кантата на стихи Р. Рождественского «Ровесник всех поколений», написанная специально к партийному съезду.

КАЖДЫЙ — НА СВОЕМ МЕСТЕ

Евгений Дога,

народный артист Молдавской ССР,
лауреат Государственной премии СССР

Один очень старый человек, что живет недалеко от старого Орхей, — ему было уже хороших сто лет, когда я зашел к нему в дом и попросил рассказать, как отдыхала молодежь его поколения, — усмехнувшись, произнес: «Хорошо, парень, что ты зашел ко мне в воскресенье, а то бы не застал меня дома. Я ведь работаю все остальные дни и только один день отдыхаю». И стал рассказывать.

«Вот здесь, — указывает на зеленую лужайку в центре села, — мы собирались по воскресеньям на жок. Играла скрипка, барабан, флуер. Я играл на кобзе. Парни танцевали со своими девушками. А сейчас, — продолжал Мош Аузел, — не поймешь: каждый танцует отдельно. Нет, тогда было иначе», — заключил со вздохом этот крепкий еще старик, в белой дымчатой одежде, с седыми усами и еле уловимой на устах хитрецей. Потом он стал мне еще что-то рассказывать, потом взял флуер и заиграл удивительно красивую дойну, потом, поднявшись во весь рост, стал приплясывать и выкрикивать зазывные куплеты, от которых вряд ли мог кто-нибудь удержаться, не пуститься в пляс. И я лишь спустя некоторое время осознал, что увидел вариант знаменитой «Миорицы», образец древнейшего молдавского эпоса.

Весь этот спектакль для одного зрителя длился около двух часов — своеобразный, неповторимый, трогательный. Мош Аузел верил в подлинность героев, о которых он рассказывал, верил в силу правды, которая восторжествовала в этой истории. Он был счастлив, потому что в этот момент был творцом.

Творчество действительно великое счастье. И оно всегда обогащает человеческий труд.

Столетний старик из Киперчен всю жизнь строил колодцы, чтобы люди утоляли жажду, печи, чтобы им зимой было тепло, погреба, чтобы там можно было надежно хранить все то, что добыто в поле тяжелым трудом своих рук. И пел. Сегодня человек создает плотины гидростанций, межпланетные корабли, межконтинентальные газо- и нефтепроводы, делает пересадку сердца и еще много такого, что даже фантастам в голову не приходило. А каковы его взаимоотношения с художественным творчеством? Оно в большей степени существует дифференцированно, и само должно прокладывать дорогу к своим потребителям.

В проекте новой редакции Программы КПСС говорится, что «эстетическое начало еще больше одухотворит труд, возвысит человека и украсит его быт». Композиторское творчество — одна из многообразных составных этого понятия. И если задуматься о том, как входит оно в нашу жизнь, как находят тех, для кого предназначено, можно вспомнить немало неудовлетворительного.

Скажем, идут композиторы на встречу в рабочий коллектив. Бюро пропаганды Союза композиторов СССР организует творческую группу из исполнителей (не всегда лучших), музыковедов и под плохо настроенный рояль или пианино начинает «нести культуру в массы». Часто повторяется со сцены мысль, что-де надо научиться слушать серьезную музыку, надо ходить в оперу, на симфонические концерты, и вообще любите нас, а не кого-то другого. Вряд ли мы таким образом убедим наших слушателей, ибо они имеют возможность послушать куда совершеннее исполнение, куда интереснее программы у себя дома, да и без всяких рекомендаций и наставлений. Гораздо выше должен быть уровень таких встреч, чтобы они становились стимулами.

Далее. Ограничивать пропаганду композиторского творчества встречами и концертами, конечно, нельзя. Это сужает диапазон работы нашей организации. Правда, сейчас уже делаются попытки использовать новые формы и появляется некоторая надежда, что можно будет найти лучшие новинки музыки, ноты, в которых есть особая нужда. Это больше приблизит нашу работу к тем, для кого мы пишем.

И еще один аспект проблемы. Во всеобщих программах радио и телевидения советская музыка вообще звучит далеко не в том объеме, как хотелось бы, и

произведения композиторов из республик и вовсе в них не проникают. Передо мной письмо, адресованное начальнику Главпочтамта Кишинева с просьбой передать мне. «Уважаемый Евгений Дога, пишем вам в обеденный перерыв. Сейчас слушаем вашу музыку в передаче «В рабочий полдень». Далее идут приятные эпитеты, но... «мы три раза просили ЦТ повторить передачу, где был ваш музыкальный портрет, но не добились. Помогите!» А чем я могу помочь, если даже сормовцы не получили ответа. Особенно трудно пробивается на всеобщие каналы музыка молодых авторов.

В проекте новой редакции Программы партии говорится об ответственности мастеров культуры «за идейную направленность творчества, художественную силу воздействия их произведений». Хотелось бы мне привести пример того, как мы теряем бдительность в этом вопросе. Нередко бывает, что после концерта или творческой встречи в каком-нибудь трудовом коллективе слушатели просят написать о них песню; или на встречу приходят композиторы с заранее заготовленным «подарком» — новой песней об этом коллективе. Я лично двойственно к этому отношусь, ибо, если коллектив действительно настолько знаменит, что ему только песни своей не хватает, одно дело. Хотя и песня, а это очень серьезно, должна быть такой же высокой марки, как скажем, мощная турбина или многотонный самосвал. Но чаще всего это бывают скороспелые поделки, однажды спетые и тут же похороненные в шкафах сувениров. Один наш почтенный коллега как-то ко Дню работника торговли на встрече с работниками отрасли «подарил» песню о... квасе! Появилась вдруг и песня «Кишиневские воробы».

Порой эстетическая серость, ремесленничество достигают таких масштабов, что диву даешься. Каким образом получилось, скажем, что Министерством бытового обслуживания населения переняло функции фирмы «Мелодия» и штамует гибкие пластинки с сомнительным репертуаром? А что не на пластинки — то на кассеты. Авторским активом студий звукозаписи являются полуграмотные «мальчики». Они со своими синтезаторами или просто гитарами и ударными записывают свои же опусы, и это предлагается молодежи. Справедливо и остро об этом писала «Советская культура», но дело не сдвинулось. Да и как оно решится, если это предпринятие приносит огромные прибыли, в особенности работающим там.

Если пластинка издается в республике, то она и остается в ее пределах, пусть даже пластинка более интересная, чем какой-нибудь сборник автора из центра. И появится она на свет лишь в том случае, если министерство культуры обеспечит необходимый тираж. Очень все странно получается. С одной стороны, мы боремся за эффективность производства, а с другой — запускаем в производство минимальное количество пластинок для одной республики, что, естественно, удорожает их выпуск, лишает возможности знакомства с ними на всей территории страны. Кстати, книги, ноты также из-за бюрократических, ведомственных барьеров не выходят за пределы республики.

Но даже то малое, что уже делается в республиках, далеко от совершенства. Записи производятся на устаревшей технике, в маленьких студиях и во всеобщий фонд не принимаются. Годами лежат ноты в музыкальных редакциях Всесоюзного радио в ожидании записи. Об оперативности, актуальности и говорить не приходится.

...У молдаван есть прекрасный уголок в доме — «каса маре». Перед каждым праздником или особым событием в семье из нее убирают все лишнее, ее обновляют, украшают. Наша страна — это огромная «каса маре», и очень хочется в преддверии огромного события для нашего народа, партии и государства — XXVII съезда КПСС — ликвидировать все то, что мешает нам в успешном продвижении вперед, украсить ее своим трудом, талантом, рвением, чтобы наша музыка была услышана и шла в ногу с жизнью, несла радость и веру в будущее. Такую радость, которую испытывает Мош Аузел, соприкасаясь с истинным искусством.